

Вольные берега

Стихи победителей Камчатского краевого поэтического конкурса «Вольные берега»

Содержание

ГНЕЗДОВЬЕ КУТХА	2
Валерий Бобров (9.06.1949 – 9.11.2019).....	2
Валерий Дядёра	2
Владимир Татауров.....	3
ЗА ЖАР-ПТИЦЕЙ	11
Жанна Германович.....	11
Анна Полуэктова	12
Алёна Рябова	13
СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ.....	14
Лариса Горюшкина	14
Игорь Власенко	15
Светлана Макова	15
КОМНАТА СМЕХА	16
Анна Полуэктова.....	16
Ирина Вечканова.....	17
Элен Долина	17

Валерий Бобров (9.06.1949 – 9.11.2019)

Родился в Эссо. Вырос в Мильково. Писать стихи начал, когда еще учился в школе. К сожалению, при жизни успел выпустить лишь небольшой сборник, в родном селе его называли мильковским Есениным. В последние годы жизни болел, был прикован к кровати. Благодаря стараниям сотрудницы мильковской библиотеки Виктории Михайловой, стихи попали на конкурс «Вольные берега». Валерий Васильевич, успел узнать, что вошел в число лауреатов, но получить свою заслуженную награду уже не успел.

На память о себе он оставил много прекрасных стихов, наполненных любовью к Мильково, односельчанам и Камчатке.

На Ключёвой реке

На Ключёвой реке тишина –
Стих на зорьке берёзовый шепот.
Чертит строчкой неровной луна
Силуэты Валагинских сопок.
Далеко-далеко в тишине
Слышны всплески в разводах широких.
Там на нерест идёт при луне
Рыба в чистых, прозрачных протоках.
Да как будто у самой реки,
Где медвежьи протоптаны тропы,
Будто чуть шевельнулся тальник,
Будто рядом почудился топот...
Хорошо на Ключёвой реке
Ночь июльскую всю до рассвета
Слушать говор реки под напев
Комариного тёплого лета.

Валерий Дядёра

Не говори мне о войне –
Война во мне!
Здесь, на краю земли покой
Рвёт душу мне –
Я – на войне!
Где брат на брата,
Кровь за кровь,
И эта боль –
Она во мне!
Где балом правит сатана – кружит война!

Где смерть присела на блокпост –
Пьёт черный тост...
Горит Донецк, горит Луганск,
Горит Славянск –
Убита Вера и Любовь
Моих славян!
А Демон кружит свой молох,
Всё в дым дробя,
Приди на эту землю, Бог,
Молю тебя...

Владимир Татауров

На самых дальних берегах
(поэма)

ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ КАМЧАТКИ. 1967 ГОД

Неласковый охотоморский берег.
Промозглые холодные ветра.
И чередой бесщётных волн набеги
Смывают то, что было здесь вчера.

Суровая камчатская природа
В разладе с человечесьей суетой.
Заброшенных барачков, рыбзаводов
Проёмы стен зияют пустотой.

Остановись в пути на миг, прохожий
Вдоль этих нежилых печальных мест,
И на закате в вечер непогожий
Взгляни на взгорье.
Там чугунный крест.

Поди, здесь человек нашёл погибель.
Склонится над могилой голова,
Где на чугунной на плите могильной
К потомкам обращённые слова:

«Здесь похоронен дружинник
крестьянин Ксаверий Бируля,
убитый на реке Озерная
17 июля 1904 года».

ГОРОД ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ. 22 АПРЕЛЯ 1904 ГОДА

На горизонте в этот день ни тучки.
Сигнальный мыс в проталинах. Весна.
Казак привёз на нартах полетучку –
известие: «С японцами война!».

Уездный Петропавловский начальник
Немедля созывает общий сход.
Я славлю ополчение Камчатки!
В дружину собирается народ.

Четыре тысячи стволов Бердана
Хранятся в Петропавловских складах.
Пусть каждому винтовка, как подарок!
«Японца не подпустим никогда!»

И обороной сам Антон Петрович
Сильницкий,
и уездом управлять,
как прежде будет.
О его здоровье
Торговцы спиртом предпочли молчать.

«Забыли», как он запретил туземцам
Сбывать за соболей спиртной дурман.
За это торгоши с врачом уездным
Пустили слух, что он сошёл с ума...

С дружиною встречать гостей незваных
И для принятий чрезвычайных мер
Назначен Сотников Максим Иваныч
Чиновник, в прошлом унтер-офицер.

Охотники-стрелки, в боях рубаки
Стоят в строю.
И не для красоты
На картузы, на шапки, на рубахи
Нашиты ополченские кресты.

СЕЛЕНИЕ ЯВИНО. 30 МАЯ 1904 ГОД

Кто из вас не знает Гундзи Сечи?
На Камчатке всем известен он.
Кто-то говорит, что он разведчик.
Кто-то говорит, что он шпион.

Он приветливый и скромный парень,
Но в кармане носит револьвер.
Трудится приказчиком в компании,
А, по сути, флотский офицер.

Гундзи от Чукотки до Лопатки
Изучил наш беззащитный край.
Подарить Японии Камчатку –
Только настоящий самурай

сможет. И в камчатском захолустье
Вьётся флаг японский, господа.
Здесь, на речке Озерная в устье
Встали рыболовные суда.

Выгрузили пушки и снаряды
И идут под видом рыбаков
В Явино японские отряды
По числу – сто пятьдесят штыков.

«Смысло на этой тынь писанихъ слов:
именно эта земля уже принадлежится Японию,
поэтому кто того трогаетъ это тынь будетъ убиты.
Командиръ японской войска Сечи Гундзи.»*

**) Надпись на доске в селенье Явино. 1904 г.*

ОПОЛЧЕНЕЦ

За Русь, за Царя и за Веру!
С берданкой идти на войну
Собрался Бируля Ксаверий,
Детей приласкав и жену.

«Не время картошку и репу
Сажать!»
И рыдает семья:
«Идёшь на какую потребу?»
«А кто же пойдёт, коль не я...
Прощай, дорогая супруга.
В ответе за матушку Русь
Не страшно погибнуть за други,
Но я непременно вернусь.
Где глубже пущай рыба ищет
Я жизнью ни клят и ни мят. –
Ксаверий поднял кулачищи, –
Ужо у меня, супостат!»

Кого-то потомки забудут,
А кто-то прославит страну.
Так было. Так есть. И так будет.
Бируля пошёл на войну.

СЕЛЕНИЕ ЯВИНО. 15 – 17 ИЮЛЯ 1904 ГОД

Поздний вечер. Алая заря.
В кедраче укрылись ополченцы.
Может быть задумано всё зря?
Может быть, прийти, как примиренцы?

Встретить солью, сдобным калачом.
Выпить, как с гостями дорогими...
Кто в Россию приходил с мечом,
От меча и находил погибель.

Потому и вывод очень прост.
Вот им наша соль!!!

Вот наши хлебцы!!!

Сотников поднялся во весь рост
И пошли в атаку ополченцы.

Взяли самураев на испуг.
Тех, кто не успел вооружиться,
Бил Ксаверий наотмашь с двух рук
Мастеров приёмов джиу-джитсу,

Словно удобрял он огород
Под картошку... только дура-пуля
Вдарила исподтишка в живот.
И внезапно ослабел Бируля.

Так и не поднялся он с колен.
Так и не увидел, как в мундире
Сечи Гундзи взят в позорный плен,
Без банзаев и без харакири.

«Снята 17/VII - 904 г. М. Сотников. с. Явино»*

**) дополнительная надпись на доске в селенье Явино. 1904 г.*

РАЗГОВОР УЕЗДНОГО НАЧАЛЬНИКА КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВОВ
ГРЕБНИЦКОГО Н.А. С ПЕТРОПАВЛОВСКИМ УЕЗДНЫМ НАЧАЛЬНИКОМ
СИЛЬНИЦКИМ А.П.

«Антон Петрович! Да, мы азиаты.
И никогда Европой нам не стать.
Из любопытства съездил бы ты в Штаты,
В конгрессе заседают демократы.
Взглянул бы, там какая благодать,

Святые демократии вершины!
Там чтут правопорядок и закон!
А ты создал какие-то дружины
И убиваешь мирных рыбаков.

Они бегут от страха и бессилья
Прочь от твоих бандитов и громил.
В каком ты виде выставил Россию?
А что о нас подумает весь мир?

С дружинами ты дал, конечно, маху.
Я буду срочно ружья изымать!»
«Пошёл-ка ты ... Грушницкий, лучше на ... ,
С дерьмом и с кратией, япона мать!»

.

И полетучка в Петербург с Камчатки
Отправлена, поспешная весьма:
«Уездный Петропавловский начальник,
Действительно, вчера сошёл с ума!»

РАЗГОВОР УПОЛНОМОЧЕННОГО МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И НАМЕСТНИКА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ ГРЕБНИЦКОГО Н.А. С ЛЕЙТЕНАНТОМ ЯПОНСКОГО ФЛОТА СЕЧИ ГУНДЗИ

«My dear friend!
Примите извиненья.
Не надо поднимать излишний шум.
Сейчас у нас закончатся волненья
И Вам позволят ехать на Шумшу.

Забудьте о событиях прошедших.
Клянусь, my friend, всё будет very good!
Здесь на Камчатке много сумасшедших.
Я всех до одного отдам под суд!

Живите без забот и без опаски.
Не надо замышлять от нас побег.
Начальником уезда будет Павский –
Мой друг и распрекрасный человек!»

ПРАЗДНИК РЫБЫ НА РЕКЕ ИЧА

Пусть вскипит опять река до зыби.
И в камлании, воздадим богам:
«Боги! Раньше было столько рыбы,
Что река топила берега».
«Рыба вновь придёт, мы в это верим,
К нам своим неведомым путём».
«Хватит человеку. Хватит зверю.
Больше, чем нам надо, не возьмём».

Не пришла, однако, в реку рыба.
Голод будет на Алхалалай.
Вдоль реки, петляющей в изгибах,
Грустно встали идолы Хантай.

Ночью колотят шаманы в бубны,
Вертятся юлою у костра.
«Кутх, скажи, что с нами завтра будет?»
Кутх ответил: «Помирать пора».

Рыбы нет в реке.
Одни напасти.
Соболей скупают за гроши.
Нет Сильницкого.
Начальник Павский
Спирт и водку снова разрешил.

Все умрём.
Никто уже не будет
Отгонять медведей от могил.
Над рекой гудит тревожно бубен:
«Сотников.
Ты сможешь...
Помоги!!!...»

В УСТЬЕ РЕКИ ИЧА

Пять шхун сетями устье перекрыли.
От «хищников» –
непрощенных гостей –
На милую всё бело от снулой рыбы,
Что выбросили в море из сетей.

Горбуша не в почёте. Им чавычка
Нужней. И нерки вкус приятен им.

Как Стенька Разин:
«Всем сарынь на кичку!»
Поднял дружину Сотников Максим.

Да, храбрецами, братцы, Бог владеет!
И меткости стрелкам не занимать,
Чтоб знали справедливость нашу в деле!
Спасай своих детей, япона мать!

... Потом в подлесе похоронят трупы
Без имени. От дома вдалеке.
Со шхуны соль с мукой сvezут на шлюпах.
И дальше в путь.
К очередной реке...

Пошёл по Иче лосося ход рунный!
Танцуйте ительмены Норгали!
За вас на рейде полыхают шхуны.
Дружинники сжигают корабли.

ГОРОД ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ, ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
ПОРТСМУТСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЯПОНИЕЙ. 1905
ГОД.

Государю Императору благоугодно Высочайше повелеть:
Объявить камчадалам, вооружившимся для защиты края во время последней войны
благоволение Его Величества, и Тех из них, которые участвовали в бою, наградить
медалями, установленными в память минувшей войны, на Георгиевской ленте.

И надо ж так случиться, что Грушницкий
Привёз Георгиевские кресты.
«Спасители мои!
Поклон Вам низкий.
Могучи духом! Совестью чисты!» –

Он снял неспешно белые перчатки.
С почтеньем оглядел притихший зал.
И каждому защитнику Камчатки
Подобострастно долго руку жал.

А после Алексей Черных, охальник,
На ухо (но чтоб слышали), шепнул:
«Скажи, любезный, где здесь умывальник?
Пойду от грязи руки сполосну.»

Улыбки выжимали лицемеры,

Как будто за награды и рубли
Крестов Георгиевских кавалеры
Камчатку
Для России
Сберегли.

... Советов власть отметит их отвагу –
другому неповадно было чтоб –
за крест гвардейский – десять лет ГУЛАГа.
А если недоволен – пулю в лоб.

НА РЕКЕ ВОРОВСКОЙ, 18 ИЮЛЯ 1906 ГОД.

«Есть в ином местечке,
Где мы не искали,
Рыбой полна речка
Речка Воровская.

Там по глади зыбкой
В глубине лазури
Золотую рыбку
Выловил мазурик.
Там дожди грибные.
Горы, словно стены.
Радуги цветные.
Дни благословенны.

Пусть сидит на печке,
Тот, кто не рискует.
А мы ищем речку
Эх, речку Воровскую...» –

Был запевала Гавриила Спешнев
И вторил басом Спешнев Анкудин.
Шли берегом к реке с весёлой песней
Все на подбор красавцы, как один.

«Смотри-ка, что творят японцы?
Братцы,
Всё устье перекрыли невода!
Их двадцать шесть, а нас всего тринадцать.
На каждого приходится по два».

Ай, Сотников, уж лучше б ты оставил
Всё так, как есть, не доставал тетрадь.
Согласно пункту действующих Правил

Ты должен всё у них конфисковать.

«Японец, мне обидно за державу.
Мне родину разграбленную жаль.»
С поклоном Саки шурился лукаво,
И вдруг из трости выдернул кинжал.

Рванули ружья тишину по знаку
С японской стороны.

Окончен бой

так и не начавшись.
Лежат, однако,
Тринадцать тел на речке Воровской.

А сверху облака, дожди грибные...
И горы за рекой стоят стеной,
Как в песне.
Где-то есть миры иные.
И где ж он, братцы, этот мир иной?

НАШЕ ВРЕМЯ

Наш век цветных и прочих революций, переоценок мировой войны. И вот уже в процессе эволюций нет той России, той былой страны.

Не ворошу Отчества могилы, но мне порою трудно не съязвить, как наш российский президент Курилы хотел японцам спьяну подарить. Зачем они, стране восхода солнца? У них к ресурсам нашим нет преград – на рынках в изобилие у японцев с Камчатки рыба и камчатский краб.

И сколько ни писали бы газеты – вокруг Камчатки, принося доход, почти полвека дрефтерные сети перекрывали к рекам рыбоход.

Так от безрыбных берегов народы совсем ушли, не совладав с бедой. Зброшенных баракон, рыбзаводов проёмы стен зияют пустотой.

А нас опять надежды обманули, осталась только память о былом.

С могилы крест Ксаверия Бирули потомки сдали на металлолом.

ЗА ЖАР-ПТИЦЕЙ

Жанна Германович

БЕЗ ДРУГИХ

В людях? Обок? Особняком.
Одиночество – почерк
Звука, слога, символа «Ом»

И дальневосточника.

Одиночество – оберег,
Двадцать один грамм веры,
«За» и «против», фамильный герб
Революционера.

Одиночество – хвоей шрам
из-за... в награду... ради.
«До» и «после» крест-накрест,
шарм
Марианской впадины.

Квинтэссенция одного,
И никуда не деться.
Белым шумом радиоволн:
Одиночество с детства...

с детства... буравит... И вобрав
Всё, пригвоздить ответом:
Одиночество – это сплав
«без других». Самоцветом.

Анна Полуэктова

Почерневшая роза,
Пожелтевший бессмертник.
Дни теперь все короче,
Скоро кончится лето,
Ускользает сквозь пальцы.
Надо снова, наверно,
Собирать разнотравье
Для сухого букета.

Несравненным итогом —
Бесконечная эра.
Неподвижные стебли —
Ненаглядной печалью.
Для кого-то остались
Только память и вера
Во все то, о чем пели,
И о чем мы молчали.

Из каких надсознаний

Выбираются корни
Разветвленных созвучий
И звенящих наречий?
Мхом густым обрастает
И становится вздорным,
Чтобы музыкой выйти
На свободу беспечно.

И бывают моменты,
Когда люди лучатся.
Ты их, что б ты ни делал,
Не разлюбишь, хоть тресни.
Чьих-то мнений потоки
По извилинам мчатся.
Продолжение звука.
Завершение песни.

Алёна Рябова

Бессилие

Не смотрим больше в небеса,
В погоне за стабильным бытом
Отвыкли верить в чудеса-
Они забыты.

А у чудес своя душа,
Ей больно от такой потери.
Уходит, звездами шурша,
И тоже больше в нас не верит.

Покрыты пылью, в сердце гниль.
Потухший взгляд – «Пустых» порука.
В прогорклом масле скис фитиль –
Унылый век бездушных кукол.

Течем как липкое Ничто,
Вокруг лишь фальшь, обида, пластик.
Виновных ищем - всё не то.
Мы сами есть своё несчастье.

Так просто вроде бы: коснись
Своей рукой чужого сердца.
Смени гримасу, улыбнись!

По одиночке не согреться.

Но страх быть слабой добротой
Лишь выставит сильнее жало.
Мне жаль тебя. Ты не такой.
Но слишком слаб, угрюм и жалок.

Что вечность? Суматоха дней,
И, кажется, мы опоздали.
Какой нам рай? Ад среди людей
Здесь. Мы его создали.

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Лариса Горюшкина

КАТАЛИСЬ ГУСИ

*«... на красных лапках
гусь тяжёлый,
задумав плыть по лону вод,
ступает бережно на лёд...»*

А. С. Пушкин

Катались гуси на пруду
На красных лапах, да по льду.
Скользил встревоженный гусак,
Да вот и он попал впросак.

Ещё вчера гусь всей семьёй
Гулял по глади водяной,
Нырлял на дно вниз головой,
И крик гортанный горловой

Будил окрестные пруды,
И было много так воды!
Сегодня пруд такой родной
Покрылся кожей ледяной.

Мне очень жалко гусака,
Его тяжёлые бока
Гляди, вот-вот раздавят лёд,
И рухнет гусь на лоно вод.

Напрасно щиплет лёд гусак,
Лёд не пробить ему никак,

А рядом пышные гусыни –
Не на соломе, не в овине.

И, крылья, распахнув, гусак,
По положению – вожак,
Не пряча гордости своей,
Скатился впереди гусей.

На красных лапах, да по льду
Катались гуси на пруду!

Игорь Власенко

БАРАБАЙКА

В нашем доме живёт барабайка.
Вечно прячет колготки и майки,
Ложки, вилки, тарелки и кружки,
А вчера потерялась ватрушка.

Мы полдня ту ватрушку искали.

И полдома вверх дном мы подняли.

Всё нашлось - и колготки, и майки,

Как не прятал от нас барабайка.

А когда наводили порядок,
Оказалось, валялось всё рядом –
Ложки, вилки, тарелки и кружки,
Только нету вчерашней ватрушки.

Светлана Макова

ПРО ДРУЖБУ

У меня подружек много

И я очень их люблю.

Почему-то меж собою

Их никак не примирю:

Ирочка не любит Веру,

Хоть достойна та примера.

Леночка не любит Иру,

Говорит, что та задира.

Оленька не любит Лену –

Всё ей чудится измена.

Что придумать, как мне быть,

Чтоб друзей соединить?!
У меня подружек много,
И я очень их люблю.
Почему-то меж собою
Их никак не примерю.

КОМНАТА СМЕХА

Анна Полуэктова

ГДЕ ЭТОЙ НОЧЬЮ Я ЛЕТАЛА?

Где этой ночью я летала?
В какой дыре моя метла?
Я завернулась в одеяло
Я чай горячий налила.
 Нет, к черту ведьминские будни!
 Пугать людей из-за угла...
 Полеты, козни, бредни, блудни...
 Как голова ещё цела?!

Сниму парик, чтоб стать противней,
На полку зубы положу,
Среди дождей и прочих ливней
Я лучше дома посижу.
 Эй, рыцарь! Приоткрой забрало!
 Ох, ну и рожа! Экий срам.
 Меня изрядно пошвыряло
 По самым разным шабашам.

В каких краях меня носило!
Какие черти пели мне!
Жирафы, зебры, крокодилы,—
И те стонали при луне.
 Как я попала в турбулентность —
 Об этом лучше промолчать.
 Какая там интеллигентность!
 Твою же в бога душу мать.

Да вам смешно, а мне обидно.
Молиться в церковь я пошла.
Ну а чертям совсем не стыдно
Совать свой нос в мои дела.
 Гляжу я, бес пошел отборный,
 Здоровый, сильный, холостой.
 Хотя, возможно, это дворник
 Идет за новою метлой.

Я завернулась в одеяло,
Я чай горячий налила.

Где этой ночью я летала?
В какой дыре моя метла?

Ирина Вечканова

ЛЮДИ-ШАРФЫ

Люди шарфы, уютные пледы
Мне встречаются реже теперь
Чтобы теплые с чаем беседы,
И душа на распашку и дверь...
Свитера, одеяла, подушки
Я оставила где-то вдали.
И друзья, и подружки-простушки
В пустоту безвозвратно ушли.
Люди чайники и самовары,
Что теплом согревали всегда,
И звучали как струны гитары,
Оказались в других городах.
Где же близкие вы и родные?
Как хочу я обнять вас сейчас...
Но уводят дороги иные...
Где те нити, связавшие нас?
И теперь эти шарфы и пледы
Я сама привыкаю вязать,
Ведь уйти могут даже и кеды,
Но СЕБЯ у меня не отнять!

Элен Долина

На восток, помело

Не скопив ни рубля на заветный билет,
Похмелившись для бодрости духа,
Поутру я, на старом своем помеле,
Полечу, невесомее пуха

Снизу гор частокол, а за ним океан
Командоров своих поджидает
На восток, помело, это путь марсиан,
Бабок-ёжек и прочих джедаев

Понесутся, сияя, костры-города
Под ногами, теряясь в тумане...

Я чужда им, конечно, полет в никуда
Ни меня, ни тоску не обманет

Все, довольно! Домой! В край дымящих вершин,
Где медведи купаются в море...
Разворот, помело! И давай поспешим,
Магазины закроются вскоре.